

МАТИЯК Любовь Анатольевна – аспирант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; matiak@mail.ru); третий секретарь Департамента информации и печати МИД России

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТАГЕМЫ ПЕКИНА

Аннотация. Усиление дипломатического и экономического присутствия Китая на Крайнем Севере становится одним из важных факторов внешнеполитических процессов в Арктике. Отсутствие официальной региональной стратегии, которое сопровождается активными шагами энергодефицитного КНР по утверждению за Полярным кругом, вызывает одновременно и научное внимание, и озабоченность международного сообщества. Россия, будучи арктическим государством с неотъемлемыми национальными интересами на Крайнем Севере, в то же время является стратегическим партнером КНР. Всестороннее исследование политики Китая на циркумполярном направлении отвечает задачам построения дружественных межгосударственных отношений в регионе на основании норм международного права в целях мирного развития Заполярья.

Ключевые слова: Арктика, Китай, Гренландия, Исландия, нефть, газ, российско-китайские отношения, международное морское право

До водружения российского флага на дне Северного Ледовитого океана и впечатляющих исследований середины нулевых годов богатой нефтегазовой базы региона и динамики таяния льдов Арктика оставалась внешнеполитически нейтральной точкой. Исключительные (не в юридическом, а фактическом смысле) права России, США, Канады, Норвегии и Дании определялись в большей степени не нормами Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а климатическими особенностями, затруднявшими проникновение на Крайний Север иных наций. Символом нового значения Арктики как пространства, открытого и привлекательного для традиционно нециркумполярных игроков, стало вступление в 2013 г. в число наблюдателей Арктического совета 6 государств – Индии, Италии, КНР, Сингапура, Южной Кореи, Японии.

Среди новых участников Китай выделяется как значимой ролью на международной арене, так и мощным экономическим инструментарием для утверждения в Арктике. Научный интерес к стратегии КНР на этом региональном направлении предопределен, прежде всего, его особыми интересами в регионе, которые сопровождаются недостаточно четкой артикуляцией внешнеполитических намерений. Китай является крупнейшей энергозависимой страной с перспективами еще большего энергопотребления (по прогнозам Международного энергетического агентства, к 2018 г. спрос на нефть достигнет 12 млн баррелей). Кроме того, в стране самый быстрорастущий рынок природного газа в мире [Jiang, Ding 2014: 49]. Еще в 2013 г. он стал крупнейшим потребителем сырья в мире, обойдя США. Пекин считает гарантированный импорт углеводородов по доступной цене залогом процветания страны, а также ее политической и социальной стабильности.

В данном контексте КНР не может не обращать внимания на Арктику, где, по данным Геологической службы США, расположено около четверти доказанных мировых запасов углеводородов [Еремин, Кондратюк, Еремин 2009]. Кроме того, через северные воды проходят перспективные транспортные пути, по которым можно пустить мощный торговый поток (включая жизненно необходимые для китайской быстрорастущей экономики углеводороды) из Европы и Азии. Также Арктика имеет значимое географическое местоположение. Учитывая латентно турбулентные отношения с США, установление форпоста в Заполярье для Китая представляет большую важность.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении степени и масштаба дипломатического, экономического и научного присутствия КНР в циркумполярном регионе, а также перспектив его утверждения на Крайнем Севере. В свете обновления взглядов руководства Китая на роль страны в мире с одновременной фиксацией значительно более высокого с наступательной точки зрения внешнеполитического камертона дискуссионным вопросом остается пропорциональное соотношение мирного и экспансионистского в его будущих действиях. С учетом высокого уровня двусторонних отношений России с одним из важнейших на мировой арене партнеров и в то же время национальных интересов нашей страны как одного из государств арктической «пятерки» предмет исследования представляет значительный интерес как для научного осмысления региональных процессов, так и для экспертного содействия дипломатической деятельности.

Ввиду всесторонней удаленности КНР от циркумполярных просторов вначале китайский интерес к Арктике ограничивался точечными научно-исследовательскими проектами. Первая национальная экспедиция на Северный полюс состоялась лишь в 1951 г. До этого слова «Арктика» и «Китай» сосуществовали только в текстовом пространстве Парижского договора по Шпицбергену 1920 г., одной из стран-подписантов которого стала эта страна. В начале 1980-х гг. в Пекине появляется первый научно-исследовательский институт, занимающийся хоть и полярной, но еще не арктической проблематикой, — Комитет по экспедициям в Антарктиду (*The Antarctic Expedition Committee*). В связи с расширением сферы деятельности в 1996 г. он переименовывается в Управление по делам Арктики и Антарктики КНР (*The Chinese Arctic and Antarctic Administration*). Весьма примечательно, что по времени это в точности совпадает с учреждением Арктического совета (АС) — первого международного форума высокого уровня для обсуждения проблем Заполярья. Его возникновение повысило общемировую значимость Крайнего Севера. Вероятно, в определенной степени КНР дала тонкий научный ответ на призрачный внешнеполитический вызов.

Кроме того, в 1989 г. в Шанхае открылся Институт полярных исследований КНР (*The Polar Research Institute of China*), на который возложили решение практических задач по подготовке экспедиций на Северный и Южный полюса, включая вопросы логистики, обслуживания ледоколов, управления делами полярных станций. Он также курирует деятельность научных лабораторий, Национального полярного архива КНР и специализированных журналов [Stensdal 2013].

С конца прошлого тысячелетия научное внимание КНР к региону наращается: в настоящий момент Китай ежегодно инвестирует около 60 млн долл. в полярные исследования, что превышает соответствующие расходы США¹. С 1999 г. судно-снабженец усиленного ледового класса «Снежный дракон» (*Xuelong*) (его китайцы приобрели у Украины еще в 1993 г.) осуществило 5 экспедиций, в т.ч. с выходом к Северному полюсу в 2010 г. Кроме того, на Шпицбергене в 2004 г. КНР открыла свою первую постоянную полярную базу «Желтая река» (*Huanghe*) для изучения климатических изменений в Арктике и их воздействия на экосистему Китая.

Однако некоторые китайские исследователи призывают фокусироваться в большей мере на геостратегическом пакете вопросов и наращивать влияние в регионе (включая обоснование территориальных притязаний на циркумполярные районы). Весьма любопытно, что такие в некоторой степени оппози-

¹ Kuersten A. Russian sanctions, China and the Arctic. — *The Diplomat*. 03.01.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/01/russian-sanctions-china-and-the-arctic/> (accessed 15.07.2015).

ционные взгляды печатаются в подцензурных научных журналах, т.е. с молчаливого согласия властей [Alexeeva, Lasserre 2012].

Отчетливое внешнеполитическое измерение китайская заинтересованность в Арктике приобрела с настойчивым продвижением Китаем своей кандидатуры в наблюдатели АС (заявку подали еще в 2007 г.), которое увенчалось успехом в 2013 г. Теперь присутствие страны в циркумполярном регионе получило юридическое закрепление. Тем не менее этот статус пока носит скорее символический характер, поскольку широкими правами в рамках организации наблюдатели не обладают. Предполагается, что они, прежде всего, будут участвовать в тематических рабочих группах и общих проектах. Даже возможности по финансированию тематических инициатив в рамках АС существенно ограничены, поскольку большую часть расходов должен покрывать один из постоянных членов.

Однако совокупность обозначенных в начале статьи китайских потребностей, которые легко удовлетворить благодаря укоренению в Заполярье, не может не настораживать. Более того, КНР пока пунктирно, но движется по региональному полю — эти шаги не приобрели прямолинейности и четкой векторности выверенной политики в регионе, но недвусмысленно обозначили интерес азиатской державы. В частности, китайское экспертное сообщество всяческим образом культивирует образ КНР как «околоарктического государства» (*near Arctic state*) [Sun 2013: 4], что, разумеется, довольно абсурдно с картографических позиций, но показательно в смысле подготовки к более решительным внешнеполитическим маневрам.

Невозможно игнорировать тот факт, что руководство КНР стремится выстроить привилегированные отношения с циркумполярными странами. Весьма примечательно, что большое внимание уделяется региональным «миноритариям», например малому островному государству Исландия. Именно с этой страны в 2012 г. началось европейское турне премьера Госсовета КНР Вэня Цзябао, в ходе которого были подписаны соглашения о сотрудничестве в Арктическом регионе, в т.ч. в целях развития морских и полярных исследований, а также геотермальной энергии¹. В 2013 г. стороны заключили соглашение о свободной торговле. Оно особенно интересно тем, что это первый договор такого типа с европейской страной. Стоит отметить, что ради участия в проекте Пекин даже согласился сделать шаг навстречу Норвегии, отношения с которой оставались практически замороженными с 2010 г., когда Нобелевская премия мира была присуждена китайскому диссиденту Лю Сяобо.

Довольно странно на этом фоне выглядит инициатива предпринимателя Хуана Нубо (к слову, в прошлом сотрудника отдела пропаганды ЦК Коммунистической партии КНР) по строительству высококлассного отеля с площадкой для гольфа в Гримстадире², который 8 месяцев в году покрыт снегом. По мнению ряда обозревателей, интерес КНР к развитию туристического сектора на острове обусловлен необходимостью «санкционировать» доступ китайских рабочих в страну для дальнейшего участия в строительстве и обслуживании торговых портов и разработке арктических ресурсов³.

Пекин развивает диалог и с Данией, которая еще в 2011 г. оказала поддержку северным планам КНР. Посол Дании в КНР заявил, что у последней «естествен-

¹ Shanley M. China's Wên in Iceland, eyes on Arctic riches. — *Reuters*. 20.04.2012. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/04/20/us-china-europe-idUSBRE83J0M920120420> (accessed 03.08.2015).

² Higgins A. Teeing off at Edge of the Arctic? A Chinese Plan Baffles Iceland. — *The New York Times*. 22.04.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/03/23/world/europe/iceland-baffled-by-chinese-plan-for-golf-resort.html?pagewanted=all&pagewanted=all&_r=0 (accessed 28.06.2015).

³ Benediktsson E., Pickering T. China knocks on Iceland's door. — *The New York Times*. 12.03.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/03/13/opinion/china-knocks-on-icelands-door.html?_r=0 (accessed 01.07.2015).

ные и законные экономические и научные интересы в арктическом регионе»¹, а также подтвердил намерение содействовать укреплению азиатской страны в рамках АС. В 2012 г. Дания стала единственным государством, которое посетил председатель КНР Ху Цзиньтао по пути на саммит G20 в Мексике.

Учитывая «синдром Тайваня», вынуждающий КНР избегать контактов с автономными и самоуправляемыми территориями, довольно необычным стал визит министра Гренландии по промышленности и природным ресурсам О. Берзелсена в КНР в 2011 г. и оказанный ему прием. В отличие от многих более высокопоставленных европейских и азиатских коллег, он был удостоен встречи с вице-премьером Госсовета КНР страны. В следующем году он вновь посетил Китай с целью предметного обсуждения проекта по совместной добыче железной руды на острове [Degeorges 2013].

Однако Пекин не может выстроить эффективную арктическую стратегию, основываясь лишь на энергетическом взаимодействии с менее амбициозными и экономически податливыми Скандинавскими странами. Диалог с Россией, которая одновременно является и мощным региональным игроком, и международным актором с широкими внешнеполитическими возможностями, имеет принципиальное значение. Охлаждение отношений с Западом и его санкционные последствия заставляют некоторых экспертов предположить, что развитие русской Арктики, ранее подразумевавшее совместные добывающие проекты с такими энергетическими гигантами, как *Statoil*, *Exxon*, *Eni*, теперь будут проходить при активном содействии китайских бизнес-структур.

Первые договоренности в этой сфере уже достигнуты. В феврале 2015 г. в ходе Красноярского экономического форума заместитель председателя правительства РФ А.В. Дворкович заявил, что, несмотря на отсутствие конкретных предложений с китайских стороны об участии в проектах по освоению стратегических месторождений (исключая шельфовые – в них только миноритарное участие), соответствующие инициативы КНР будут немедленно рассмотрены, учитывая отсутствие каких-либо политических препятствий². Уже ведутся переговоры Роснефти с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (СNPC), Китайской национальной шельфовой нефтяной корпорацией (СNOOC) и Китайской нефтяной и химической корпорацией (*Sinopec*) о совместной добыче нефти на арктическом шельфе – эксперты оценивают возможную долю КНР в 33,3%³. Кроме того, планируется привлечение китайских компаний в проекты по добыче газа и строительству СПГ-завода также совместно с Роснефтью⁴.

Партнерство России с Китаем на данном региональном поле не может получить однозначную оценку. С одной стороны, благодаря такому тесному взаимодействию наша страна приобретает долгосрочного инвестора, способного вкладывать немалые средства в развитие дорогостоящих и высокотехнологичных энергетических проектов. Их осуществление без значительных вливаний зарубежного капитала на данном этапе невозможно. Кроме того, сотрудничество в нефтегазовой сфере в целом содействует торгово-экономическому сближению с КНР, являющемуся участником важных для России «альтернативных» международных структур БРИКС и ШОС.

¹ Martina M. Denmark welcomes China in from the Arctic cold. – *Reuters*. 28.10.2011. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/10/28/us-china-arctic-idUSTRE79R28S20111028> (accessed 15.06.2015).

² Топалов А. Китай получит российские недра. – *Газета.ru*. 28.02.2015. Доступ: <http://www.gazeta.ru/business/2015/02/27/6428765.shtml> (проверено 12.06.2015).

³ Blinova E. Russia invites China to explore Arctic, Siberian oil and gas field. – *Sputnik*. 28.03.2015. URL: <http://sputniknews.com/analysis/20150228/1018894130.html> (accessed 13.06.2015).

⁴ «Роснефть» ведет переговоры о привлечении китайских компаний в Арктику. – *Ведомости*. 07.11.2014. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/business/news/2014/11/07/rosneft-vedet-peregovory-o-privlechenii-kitajskih-kompanij-v> (проверено 18.06.2015).

Если отвлечься от двусторонних связей, вопрос, как выстроить на циркумполярном поле грамотную линию поведения с Китаем и не допустить его экономической экспансии, может стать фактором, способным улучшить отношения России с иными арктическими государствами. Общий тактический вызов станет новым тематическим пространством для диалога с Европой и Северной Америкой¹. В то же время потенциальная зависимость от азиатской державы как безальтернативного в свете санкций и противостояния с Западом партнера по развитию энергетического сектора, в т.ч. на Севере, способно превратиться в рычаг влияния, которым Китай не преминет воспользоваться для получения доступа к арктическим ресурсам.

Таким образом, исследование политики КНР на циркумполярном направлении может проводиться лишь посредством сложения разноформатных фрагментов – научного присутствия в регионе, энергетических интересов и потребностей, двусторонних отношений с арктическими государствами или позиции в качестве наблюдателя в АС. Конкретные шаги КНР на региональной арене показали контуры китайской циркумполярной мысли.

Во-первых, вне всяких сомнений, присутствие КНР в регионе будет только усиливаться, учитывая как динамику 1990–2000-х гг., так и огромную заинтересованность энергодефицитной державы в арктическом углеводородном потенциале и открывающихся транспортных возможностях. Во-вторых, вызывает некоторое опасение подчеркнуто научный интерес КНР к региону – словно расширение экономического сотрудничества с циркумполярными государствами, прежде всего в нефтегазовой сфере, является вынужденными, побочными видами деятельности для увлеченного климатическими исследованиями Китая. В-третьих, устойчивое желание Пекина мимикрировать под страну, всегда находившуюся в циркумполярном спектре, настораживает. Этой задаче отвечало и многосложное вступление в наблюдатели Арктического совета, и постепенное продвижение концепции «околоарктического государства». Очевидно, цель – утвердить в мировых общественных кругах представление о Китае как о практически коренном жителе Крайнего Севера с исконными интересами, а не чужеземце, движимом экспансионистскими намерениями.

В связи с этим перед Россией одновременно стоит несколько сложно совместимых задач. Важность сохранения стратегического партнерства не подлежит сомнению. Взаимодействие с Китаем в Заполярье необходимо и в целях развития перспективных, но требующих значительных инвестиций нефтегазовых проектов. Появление мощного союзника в рамках АС и на региональном пространстве в целом также усиливает отечественные позиции в Арктике. В свете современной геополитической ситуации сохранение внешнеполитически мощного азиатского соседа в качестве союзника укрепляет наши позиции на мировой арене².

Однако чужеродность КНР на циркумполярном поле очевидна. Помимо исторической удаленности от Крайнего Севера, она связана еще и с его принадлежностью к совершенно иной цивилизационной формации, нежели взращенные на христианских постулатах, пусть и с разными догматическими акцентами, арктические государства. Кроме того, наша страна, как и другие члены «пятерки», энергетически обеспечена. Одинаковое «исходное состояние» предопределяет единство интересов, затрагивающих стратегически важные сферы жизни, и способно выступать тем консолидирующим фактором, который перевешивает различия идеологического, политического и экономического свойства.

¹ Kuersten A. Russian sanctions, China and the Arctic. – *The Diplomat*. 03.01.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/01/russian-sanctions-china-and-the-arctic/> (accessed 15.07.2015).

² Filimonova N., Krivokhizh S. A Russian Perspective on China's Arctic Role. – *The Diplomat*. 27.09.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/09/a-russian-perspective-on-chinas-arctic-role/> (accessed 14.07.2015).

После распада СССР потребовалось немало времени, прежде чем Россия осознала примат продвижения национальных интересов в диалоге со странами Запада. Огромная заслуга в этом принадлежит выдающемуся государственному деятелю Е.М. Примакову. Близость подходов по международной повестке и ценностным ориентирам, формирующая двусторонние связи особого уровня и свойства, часто дает иллюзию внешнеполитического слияния без обусловленных суверенитетом оговорок. Опасность такого заблуждения, которую России пришлось в полной мере испытать еще в 1998 г., предопределила реформативное отношение со «зрелыми» демократиями. Тем не менее, проявляя национальную стойкость с одними, не стоит забывать о географической и идеологической универсальности данного принципа – его трансграничность покрывает и восточное направление.

Список литературы

Еремин Н.А. Кондратьев А.Т., Еремин А.Н. 2009. Ресурсная база нефти и газа арктического шельфа России. – *Георесурсы. Геоэнергетика. Геополитика*. № 1.

Alexeeva O., Lasserre F. 2012. China and the Arctic. – *Arctic Yearbook 2012*. P. 80-90.

Degeorges D. 2013. *Denmark, Greenland and the Arctic. Challenges and Opportunities of Becoming the Meeting Place of Global Powers*. Copenhagen: Royal Danish Defence College. 17 p.

Jiang J., Ding C. 2014. Update on Overseas Investments by China's National Oil Companies. Achievements and Challenges since 2011. – *OECD/IEA*.

Stensdal I. 2013. *Asian Arctic Research 2005–2012: Harder, Better, Faster, Stronger*. Fridtjof Nansen's Institute. 39 p.

Sun K. 2013. China and the Arctic: China's interests and participation in the region. – *East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics*. Canada: The Centre for International Governance Innovation. November. Paper No. 2. P. 1-8.

MATIYAK Lyubov' Anatol'evna, postgraduate student of the Chair of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; matiak@mail.ru); Third Secretary at the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ARCTIC STRATAGEMS OF BEIJING

Abstract. Strengthening the diplomatic and economic presence of China in the Far North is becoming an important factor in the foreign policy processes in the Arctic. The absence of an official regional strategy, which is accompanied by active steps of energy deficient China towards the Arctic Circle, evokes both scientific attention and concern of the international community. Russia, being the Arctic state with essential national interests in the Far North, at the same time is a strategic partner of China. A comprehensive study of China's policies in the circumpolar direction meets the challenges of building friendly inter-state relations in this region based on international law for the peaceful development of the Arctic.

Keywords: Arctic, China, Greenland, Iceland, oil, gas, Russian-Chinese relations, international maritime law

---